

**КОРЫСТЬ В СОДЕРЖАНИИ  
ЦЕЛИ И МОТИВА  
ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА  
ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ  
В ВИДЕ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ**

*Аннотация:*

*Хищение отличается от других посягательств против собственности, корыстных по своей мотивации и направленности, но влекущих ущерб в виде упущенной выгоды, например, причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, злоупотреблением должностными полномочиями и др.*

*Ключевые слова:*

*Хищение, корысть, преступное посягательство, собственность, присвоение, растрата.*

**AVARICE IN THE CONTENT OF  
GOALS AND MOTIVES OF  
CRIMINAL ACTS AGAINST PROPERTY  
AS MISAPPROPRIATION  
AND EMBEZZLEMENT**

*The summary:*

*Embezzlement differs from other attacks against property, self-serving on their motivation and direction, but entailing damage in the form of lost benefits, such as causing damage to property by deception or abuse of trust, abuse of power, etc.*

*Keywords:*

*Theft, greed, criminal trespass, property, misappropriation, embezzlement.*

С позиции субъективной стороны при присвоении и растрате у виновного перед совершением преступления формируется корыстный мотив, который, в свою очередь, предопределяет постановку цели преступления – хищение чужого имущества. Достижение цели реализуется в противоправном изъятии чужого имущества и обращении его в свою пользу или пользу третьих лиц. Тем не менее содержательно корыстная цель и корыстный мотив нередко практически отождествляются. В частности, согласно одной из точек зрения по этому поводу под корыстной целью следует понимать «стремление к извлечению материальной выгоды за счет изъятия чужого имущества, но не за счет неосновательного сбережения своего» [1, С.287].

Тем самым, как отмечалось в одном из решений Верховного суда РФ, хищение отличается от других посягательств против собственности, корыстных по своей мотивации и направленности, но влекущих ущерб в виде упущенной выгоды, например, причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, злоупотреблением должностными полномочиями и др. [2, С.4]

Заметим, однако, что при этом корысть как мотив остается таковым, и для реализации этого мотива, как будет показано ниже, не имеет значения способ извлечения выгоды, причем, не только материальной, но и в иной форме. По мнению С.М. Кочои, «мотив не является обязательным признаком преступлений, именуемых в УК РФ хищением» [3, С. 114]. Далее этот автор пишет: «Конечно, корыстный мотив типичен для хищения чужого имущества, однако фактически, совершая такого рода преступления, виновный может руководствоваться и другими мотивами, в том числе самыми «благородными» (помощи обездоленным, возврата долга и т.д.). Здесь, как мы отмечали ранее, вновь практически отождествляются корыстная цель и корыстный мотив, поскольку, как справедливо указываются в литературе, такая цель и есть не что иное, как корысть [4, С. 110].

В этой связи следует отметить, что цель совершения преступного деяния отличается от его мотива, являясь своеобразным предвосхищением в сознании виновного результата (мысленная модель), на достижение которого направлена его деятельная активность. Цель показывает, для чего виновный действует именно таким образом, к чему он стремится. Цель и мотив являются близкими, но не тождественными понятиями. Подчеркнем еще раз, что мотив, в отличие от цели, - это побуждения, обусловленные определенными потребностями личности. Мотив отвечает на вопрос, почему виновный действует именно таким образом, что его побуждает к достижению намеченного.

Мотив появляется прежде, чем возникает определенная цель совершения преступления; ему же в свою очередь предшествуют определенные потребности [5, С. 32]. При этом корыстная цель предполагает стремление виновного распорядиться похищенным как своим, например, обратить в свою собственность, подарить, уничтожить и т.д. Если лицо, даже и незаконно

завладевшее чужим имуществом, не стремится распорядиться им как своим, в его действиях отсутствует такой состав преступления, как хищение. Корыстная цель, таким образом, представляет собой субъективный критерий для отграничения хищения от ряда других преступлений, на пример, от злоупотребления полномочиями, злоупотребления должностными полномочиями и, уничтожения или повреждения имущества, самоуправства, хулиганства и др.

С учетом изложенного А.П. Севрюков делает вывод, что хищение, в том числе путем присвоения и растраты, может быть совершено только с корыстной целью, в противном случае это не может быть хищением [6, С. 123]. Однако эта точка зрения небесспорная, и к ней мы ниже вернемся. На наш взгляд, главным в квалификации действий виновного как хищения, в том числе присвоения и растраты, является не мотив, который может быть не только корыстным, а цель, которой является незаконное обогащение, получение наживы за счет чужого имущества» [7, С.114].

В постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указывается, что корыстные побуждения направлены на получение материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или права на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавление от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.) [8, С.4]. Как нам представляется, такое разъяснение существенно отличается от обычного доктринального толкования, которые приводятся в уголовно-правовой литературе, поскольку дается официальным государственным органом, полномочным давать такого рода разъяснения.

Оно тем более важно, что в законе отсутствует дефиниция корысти как мотива. Мы полагаем в этой связи, что понятие корысти как мотива должно быть одинаковым для всех составов преступлений, в противном случае оно окажется размытым и будет создавать дополнительные сложности для правоприменителей, в том числе, как будет показано в следующей главе, при решении вопросов квалификации присвоения и растраты вверенного имущества. Более того, такое понятие, как нам представляется, должно быть закреплено в уголовном законе, иначе, как показывает следственно-судебная практика, неизбежны разночтения в квалификации соответствующих общественно опасных деяний.

В этой связи отметим неудачность формулировки хищения в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, где слова «безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц» как раз и отражают основу корысти, и поэтому предшествующие слова «с корыстной целью» уже не несут той смысловой нагрузки, в которой имеется в виду корысть. Это находит подтверждение в позициях ряда авторов, которые, в частности, в содержание мотива корысти включают стремление к личной наживе, выражающееся в желании обогатиться за счет незаконного изъятия имущества, стремление обеспечить имущественную выгоду другим лицам [9, с. 113]. Здесь же заметим, что другие авторы практически дословно используют эти термины для раскрытия корыстной цели [10, с. 115], что лишний раз подтверждает высказанную нами ранее мысль о смешении корыстной цели и корыстного мотива, причем как в уголовном законе, так и в литературе. В этой связи мы поддерживаем точку зрения, согласно которой хищение не обязательно сопряжено с корыстью [11, С. 26]. Как видно, корысть необходимо понимать только как мотив, а не как цель, и в этой связи мы поддерживаем предложение о том, что в законодательном определении хищения (примечание 1 к ст. 158 УК РФ) указывать цель как корысть в законе не следует [12, С. 26]. Далее, корысть следует включить в перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 62 УК РФ), причем целесообразнее применить формулировку «по мотиву корысти», а не «из корыстных побуждений». В имущественных преступлениях, в том числе в составе присвоения и растраты, мотив корысти должен иметь статус квалифицирующего признака, для чего необходимо соответственно дополнить ч. 2 ст. 160 УК РФ признаком – «по мотиву корысти».

#### Ссылки:

1. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр, 2002. С. 287.
2. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1989. № 8. С. 4.
3. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: Антэя, 2000. С. 114.
4. Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть: криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб: Юридический центр, 2001. С. 110.
5. Эриашвили Н.Д. Субъективные признаки присвое-

#### References (transliterated):

1. Boytsov A.I. Prestupleniya protiv sobstvennosti. SPb.: Yuridicheskiy tsentr, 2002. P. 287.
2. Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR. 1989. No. 8. P. 4.
3. Kochoi S.M. Otvetstvennost' za korystnyye prestupleniya protiv sobstvennosti. M.: An'eeya, 2000. S. 114.
4. Minenok M.G., Minenok D.M. Koryst': kriminologicheskie i ugovolno-pravovye problemy. SPb: Yuridicheskiy tsentr, 2001. P. 110.
5. Eriashvili N.D. Sub"ektivnye priznaki prisvoeniya i

- ния и растраты // Закон и право. 2002. № 11. С. 32.
6. Севрюков А.П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М.: Экзамен, 2004. С. 123.
  7. Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть: криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб: Юридический центр, 2001. С. 114.
  8. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. №3. С. 4.
  9. Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть: криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб: Юридический центр, 2001. С. 113.
  10. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: Антэя, 2000. С. 115.
  11. Никифоров Б.С. Обязательна ли корыстная цель при хищении // Советское государство и право. 1949. №10. С. 26.
  12. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: Антэя, 2000. С. 113; Степанищев А.В. Проблемы правового регулирования конфискации имущества. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 15 и др.
6. rastraty // Zakon i pravo. 2002. No. 11. P. 32.
  6. Sevryukov A.P. Khishchenie imushchestva: kriminologicheskie i ugodovno-pravovye aspekty. M.: Ekzamen, 2004. P. 123.
  7. Minenok M.G., Minenok D.M. Koryst': kriminologicheskie i ugodovno-pravovye problemy. SPb: Yuridicheskiy tsentr, 2001. P. 114.
  8. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii ot 29 yanvarya 1999 g. "O sudebnoy praktike po delam ob ubiystve (art. 105 of UK RF)" // Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. 1999. No.3. P. 4.
  9. Minenok M.G., Minenok D.M. Koryst': kriminologicheskie i ugodovno-pravovye problemy. SPb: Yuridicheskiy tsentr, 2001. P. 113.
  10. Kochoi S.M. Otvetstvennost' za korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti. M.: Anteya, 2000. P. 115.
  11. Nikiforov B.S. Obyazatel'na li korystnaya tsel' pri khishchenii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1949. No.10. P. 26.
  12. Kochoi S.M. Otvetstvennost' za korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti. M.: Anteya, 2000. P. 113; Stepanishchev A.V. Problemy pravovogo regulirovaniya konfiskatsii imushchestva. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2000. P. 15, et al.